

Лапаева В.В. Тема русского раскола в отечественной историографии: политико-правовой анализ // Анти-номии. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 180-197. https://doi.org/10.17506/26867206_2025_25_1_180

УДК 340.15

DOI 10.17506/26867206_2025_25_1_180

Тема русского раскола в отечественной историографии: политико-правовой анализ

Валентина Викторовна Лапаева

Институт государства и права РАН

г. Москва, Россия

E-mail: lapaeva07@mail.ru

*Поступила в редакцию 06.02.2025, поступила после рецензирования 12.03.2025,
принята к публикации 17.03.2025*

В статье обосновывается необходимость такого построения историографии политико-правовых учений, которое давало бы материал для осмысления явлений, пронизывающих разные этапы отечественной истории и оказывающих значимое влияние на современность. К числу важнейших явлений подобного рода относится, по мнению автора, феномен, который в российском общественном дискурсе обозначается термином «русский раскол». В юридической литературе тема русского раскола анализируется главным образом в связи с церковной реформой XVII в. Однако историография политико-правовой мысли, посвященная данной теме, не должна ограничиваться лишь подобными исследованиями историко-юридического профиля, поскольку русский раскол не сводится к религиозной составляющей, а представляет собой гораздо более сложный социокультурный феномен, фокусирующий в себе основные проблемы социально-экономического, политико-правового и духовно-нравственного развития страны. Русский раскол как многоаспектное социокультурное явление, отражающее объективно обусловленную специфику исторического развития России, требует широкого отражения в историографии отечественной политико-правовой мысли путем включения в нее исследований, осуществляемых в смежных областях знания, в которых затрагиваются правовые аспекты данной проблематики. С позиции именно такого междисциплинарного подхода в статье дается обзор и анализ освещения темы русского раскола в историографии отечественного обществоведения.

Ключевые слова: русский раскол; историография; междисциплинарный подход; Российская империя; СССР; современная Россия

© Лапаева В.В., 2025

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Минобрнауки России в форме субсидий из федерального бюджета на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (соглашение от 12.07.2024 № 075-15-2024-639).

The Russian Schism in Domestic Historiography: A Political and Legal Analysis

Valentina V. Lapaeva

Institute of State and Law, the Russian Academy of Sciences

Moscow, Russia

E-mail: lapaeva07@mail.ru

Received 06.02.2025, revised 12.03.2025, accepted 17.03.2025

Abstract. This article argues for the necessity of constructing a historiography of political and legal doctrines that facilitates an understanding of phenomena permeating various stages of Russian history and significantly influencing the present. The author identifies one of the most important phenomena in this context as the *Russian schism*, a term prevalent in Russian public discourse. While legal literature primarily analyzes the Russian schism in relation to the church reform of the 17th century, the historiography of political and legal thought on this topic should extend beyond historical and legal studies. The Russian schism encompasses more than a religious dimension; it also represents a complex socio-cultural phenomenon that reflects main issues related to socio-economic, political, legal and spiritual development of the country. As a multifaceted socio-cultural phenomenon reflecting the unique historical trajectory of Russia, the Russian schism requires a comprehensive exploration within the historiography of domestic political and legal thought. This exploration should include studies from related fields that address its legal aspects. Adopting this interdisciplinary approach, the article provides an overview and analysis of how the Russian schism has been addressed in the historiography of domestic social sciences.

Keywords: Russian schism; historiography; interdisciplinary approach; Russian Empire; USSR; modern Russia

Acknowledgements: The study was conducted with financial support from the Ministry of Education and Science of Russia provided in the form of subsidies from the federal budget for major scientific projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement No. 075-15-2024-639, dated July 12, 2024).

For citation: Lapaeva V.V. The Russian Schism in Domestic Historiography: A Political and Legal Analysis, *Antinomies*, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 180-197. (in Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2025_25_1_180

Введение

Одним из направлений работы Института государства и права РАН в настоящее время является создание новой историографии политико-правовой мысли. Эта непростая с содержательной точки зрения работа предполагает необходимость 1) объективно и максимально полно отразить процесс развития политико-правовой мысли человечества во всем ее многообразии, выстроив структуру историографии таким образом, чтобы она позволяла высветить наиболее актуальные общемировые проблемы политико-правового профиля и 2) преодолеть серьезные пробелы, идеологические искажения и исторические неточности в освещении отечественной политико-правовой культуры от самых ее истоков до современности. В рамках данной статьи мы остановимся на втором из указанных направлений работы, сделав акцент на задаче восполнения пробелов в освещении отечественной политико-правовой культуры.

Решению подобных задач будет способствовать правильное формирование проблемно-тематического каркаса новой историографии отечественных политико-правовых учений, т.е. выбор идей и концепций, которые в своей совокупности позволяли бы дать не только достаточно полный ретроспективный обзор политико-правовой проблематики, ранее находившейся в центре внимания отечественных исследователей, но и материал для осмысления явлений, которые пронизывают разные этапы отечественной истории, выражают те или иные черты русской (российской) национальной идентичности и оказывают значимое влияние на современность, рассматриваемую в ее политико-правовых аспектах. Например, речь может идти о таком феномене, как «национальная идея или национальное самосознание, присутствующее в истории политической и правовой мысли на всех ее этапах и проявляющееся в той или иной степени в различных вариантах трактовки и обсуждения основных смысловых характеристик права и государства» (Горбань 2024: 68). Предметом данной статьи является другой социальный феномен, такого же масштаба и значимости, который в российском философском и политико-правовом дискурсе нередко обозначается термином «русский раскол».

Первоначально этот термин, вошедший в широкий общественный дискурс в середине XIX в., был связан исключительно с церковным расколом XVII в. Однако позднее раскол Русской православной церкви стал рассматриваться в качестве исходной точки «глубокого раздвоения в русской жизни и русской истории» (Бердяев 2008: 39), усиленного петровской реформой, которая, как писал Ф.М. Достоевский, «оторвала одну часть народа от другой» и заложила начало «раздвоения народа», от которого «страшно страдают обе его части»¹. Впоследствии через всю историю России проходили разные, нередко пересекающиеся и усиливающие друг друга в точках пересечения, линии социокультурных расколов, порожденных крепост-

¹ Достоевский Ф.М. Два лагеря теоретиков (По поводу «Дня» и кой чего другого). URL: <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/public/dva-lagerya-teoretikov.htm> (дата обращения: 11.12.2024).

ничеством, Русской революцией 1917 г., сталинскими преобразованиями, неправовым характером постсоциалистической приватизации общенародной собственности, чреватой очередным расколом на «красных» и «белых». С учетом значения феномена раскола для осмысления отечественной истории, новую российскую историографию политико-правовой мысли следует, на наш взгляд, выстраивать таким образом, чтобы охватываемые ею концепции в своей совокупности давали как можно более полную теоретическую базу для правового анализа причин русского раскола как многоаспектного социокультурного явления, его содержания (исторического смысла), масштабов его деформирующего влияния на политико-правовое развитие России, а также возможных путей его преодоления.

В свете такой задачи историография политико-правовой мысли, посвященная данной теме, не должна, на наш взгляд, ограничиваться лишь исследованиями юридического профиля, замыкающимися на церковном расколе. Во-первых, сложный феномен русского раскола в его современной трактовке фокусирует в себе основные проблемы социально-экономического, политико-правового и духовно-нравственного развития страны и в таком своем качестве требует комплексного междисциплинарного анализа. А во-вторых, наиболее значимые исследования данной темы, проводимые в смежных с юриспруденцией дисциплинах, зачастую содержат в себе существенную правовую составляющую, которую юристам необходимо вычленивать и осмыслить в контексте своего предмета исследований. Именно с позиции такого подхода мы и будем далее рассматривать проблематику историографии русского раскола.

Русский раскол в историографии Российской империи

Долгое время тема раскола рассматривалась лишь в ее конфессиональных аспектах и интересовала главным образом представителей церковной и светской властей, а также специалистов в области богословия и истории религии. Первым из светских историков, кто «дал оценку «старой веры», патриарху Никону, протопопу Аввакуму с монархической, государственной, просветительской точки зрения» (Маджаров 2019: 71), был В.Н. Татищев, изложивший свои взгляды на церковный раскол в «Истории Российской» и в работе «Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах». Историк, заложивший основы официального (охранительного) направления в отечественной историографии, резко осуждал раскольников как противников просвещения, действовавших вразрез с государственными интересами, но при этом, в отличие от апологетов клерикально-охранительной доктрины, он не был безоговорочным сторонником церковной точки зрения на события отечественного прошлого и с сожалением писал о том, что в ходе николаевских реформ много тысяч людей «пожгли и порубили или из государства выгнали» (Татищев 1979: 99).

Проблема русского раскола как социокультурного феномена, имеющего важное политико-правовое значение, начала привлекать внимание научного сообщества и широкую общественность лишь с середины XIX в. Так,

тема раскола не была даже обозначена ни в «Русской правде» П.И. Пестеля, ни в «Православном катехизисе» С.И. Муравьева-Апостола, ни в многотомных исторических изданиях 1820–1830-х годов, включая «Историю государства российского» Н.М. Карамзина, «Историю русского народа» Н.А. Полевого и др., ни в трудах ранних славянофилов, за исключением А.С. Хомякова, который коснулся ее лишь вскользь² (Пыжиков 2023: 8–25). И даже представители государственной школы, наиболее влиятельной в русской исторической мысли второй половины XIX в., ограничивали проблематику русского раскола конфессиональными последствиями церковной реформы XVII в. и не считали раскол социокультурным явлением, имманентно присущим русской жизни в целом. Показательна в данном плане доктрина религиозного раскола такого яркого представителя этой школы, как С.М. Соловьев, который рассматривал раскол в качестве локального явления, не затрагивающего магистрального направления развития России (Маджаров 2017: 40).

Гораздо больший интерес к проблеме раскола проявляли в период, относящийся к царствованию Николая I, чиновники Министерства внутренних дел, по мнению которых деятельность раскольников носила не религиозный, а политический, антигосударственный характер, и поэтому на нее не распространялись принципы веротерпимости, действовавшие в отношении представителей иноверия. В первой половине XIX в. силами Министерства были организованы специальные комиссии, которые изучали деятельность и мировоззрение раскольников в разных губерниях страны. К этой работе привлекли ученых – этнографа и фольклориста В.И. Даля и этнографа Н.И. Надеждина. Членом одной из комиссий был будущий известный славянофил И.С. Аксаков, который, столкнувшись с неожиданными для него реальными масштабами раскола, так характеризовал ситуацию в частной переписке: «...Россия скоро разделится на две половины: православие будет на стороне Казны, Правительства, неверующего дворянства и отвращающегося от веры духовенства, а все прочие обратятся к расколу... Все соки испорчены и едва ли есть исцеление» (Пыжиков 2023: 26). Позднее богатый информационно-аналитический материал, подготовленный чиновниками Министерства внутренних дел, был передан в редакцию журнала «Православный собеседник», к изучению этих архивов были допущены и светские историки (например, А.П. Щапов), что положило начало комплексному научному осмыслению русского раскола как социокультурного феномена.

² Так, в первом томе собрания сочинений в разделе «Корни старообрядства» А.С. Хомяков лишь выразил сожаление о «преобладании обрядности и формальности общественной и религиозной, выразившейся в старообрядческие расколы», корень которых «таится в глубочайшей древности и в особенностях распространения Христианства в России». При этом, добавил автор, «самые явные и сильные остатки язычества и его поверий совпадают с теми местностями, в которых сильнее распространено старообрядство, и что эти местности удалены от древних и живых средоточий, в которых первоначально проповедовалось Слово Божие просветителями Русской земли» (URL: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksej_Homyakov/polnoe-sobranie-sochinenij-tom-1/7_19 (дата обращения: 11.12.2024)).

Н.И. Надеждин не успел опубликовать работу, обобщающую собранные им материалы, которые были утеряны после его смерти, и тема русского раскола в сугубо религиозной коннотации данного термина вошла в общественный дискурс из работ отечественных богословов. В этом контексте особо следует отметить книгу известного историка церкви митрополита Макария (Булгакова) «История русского раскола, известного под именем старообрядчества» (СПб., 1855). Привлечению внимания общественности к расколу в немалой степени способствовал выход за рубежом в 1847–1853 гг. на немецком и французском языках трехтомного труда о жизни русского крестьянства немецкого барона Августа фон Гакстгаузена³, в котором тема русского раскола стала предметом серьезного научного анализа. А. фон Гакстгаузен (отпрыск одного из старейших дворянских родов прусской провинции Вестфалии, по своим идеологическим убеждениям ярый монархист), будучи охвачен патриотическим энтузиазмом, проявлял большой интерес к традиционно-общинным формам аграрных отношений Пруссии, критикуя с этих позиций растущее влияние капиталистического рынка. Его работы заинтересовали кронпринца Фридриха Вильгельма, по инициативе которого А. Гакстгаузен был нанят в течение 1830-х гг. прусским Министерством юстиции для изучения правовых традиций аграрных отношений в различных провинциях прусской монархии. Однако прусское чиновничество, стремившееся к модернизации страны, не оценило консервативных установок ученого и добилось того, что контракт с ним продлен не был (Dennison, Carus 2003). Приглашение для изысканий по совершенствованию сельского хозяйства России дало возможность А. Гакстгаузену продолжить свои исследования общинной формы землевладения в ходе шестимесячной экспедиции в разных регионах страны. Научным консультантом барона стал В.И. Даль; это, несомненно, способствовало тому, что немецкий ученый (который начал свои исследования на родине с создания коллекции северогерманского фольклора, а затем перешел к изучению сельскохозяйственных народных традиций) сумел разглядеть и описать недоступные ранее для научного анализа особенности русской народной религиозности (Dennison, Carus 2003).

Труд А. Гакстгаузена частично⁴ переведен на русский язык только в 1870 г., но его фрагменты были «по горячим следам» опубликованы в журнале «Современник» (1857) и стали предметом серьезного анализа⁵. И хотя наибольший интерес для российской общественности представляли на тот

³ Гакстгаузен А. Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России / отв. ред. О.А. Платонов. Москва : Ин-т рус. цивилизации, 2017. 672 с.

⁴ О причинах неполного перевода, связанных, по-видимому, с критикой автором некоторых сторон русской жизни и, прежде всего, крепостного права, см.: Гакстгаузен А. Исследования внутренних отношений... С. 10, сноска ред.).

⁵ См.: Чернышевский Н.Г. Исследования о внутренних отношениях народной жизни и в особенности сельских учреждениях России. Барона Августа Гакстгаузена // Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений : в 15 т. Москва : Гос. изд-во худож. лит. 1948. Т. 4. С. 303–348.

момент суждения немецкого ученого о русской крестьянской общине, которые особенно воодушевили народников, славянофилов и социалистов, не прошла незамеченной и поднятая им тема старообрядцев. В настоящее время некоторые зарубежные исследователи творчества немецкого ученого вполне обоснованно опровергают его представления о русской крестьянской общине как о форме гармоничного устройства сельской жизни (Dennison, Carus 2003), тем не менее собранные им сведения об особенностях религиозного сознания русского крестьянства, никак не продиктованные его априорными романтическими установками по поводу сельской общины, заслуженно получили в свое время заметный резонанс и в окружении царя Николая I (который отреагировал на них дополнительными законодательными мерами против старообрядцев), и среди представителей разных идейных направлений в обществе. Некоторые из них (А.И. Герцен, а затем народники) попытались, хотя и безуспешно, вовлечь староверов в свои политические проекты.

Во второй половине XIX в. у светских и церковных ученых сложились два противоположных воззрения на социальные аспекты церковного раскола. Как писал в 1867 г. доктор богословия Н.И. Субботин, для одних специалистов это явление оставалось чисто религиозным, другие, напротив, считали раскол следствием социальных причин и выражением оппозиционных настроений по отношению к общественному и государственному устройству. Сам Н.И. Субботин, хотя и подчеркивал, что церковный раскол был использован разными политическими силами в своей враждебной по отношению к России деятельности, тем не менее исходил из того, что причины раскола имели сугубо конфессиональные истоки. С точки зрения такого видения ситуации он полемизировал с историком А.П. Шаповым, позиция которого, по его словам, имела «характер социально-политико-демократический» (Субботин 2016: 6). И хотя автор прямо не называл фамилию А.П. Шапова, а говорил лишь об «одном ученом исследователе», очевидно, что речь шла именно об этом историке и публицисте как самом ярком представителе так называемого демократического направления в отечественной историографии, ориентированного на освещение исторической роли народных масс в контексте их борьбы за свободу. Сторонники этого направления (Н.Я. Аристов, В.Б. Андреев, Н.И. Костомаров и др.) развивали идею А.П. Шапова о том, что в некоторых учениях раскольников «намекami проглядывали народный взгляд на причины социальных неурядиц»⁶ и трактовали религиозный раскол как своеобразную форму народного протеста против социальной несправедливости и властного произвола (Снигирева 2020: 17). Близких взглядов на социальный потенциал движения раскольников придерживался, в частности, и Н.Г. Чернышевский⁷.

В рамках нашего анализа следует прежде всего обратить внимание на работу А.П. Шапова «Русский раскол старообрядства, рассматриваемый

⁶ Шапов А.П. Земство и раскол. Санкт-Петербург : То-во «Общественная польза», 1862. С. 56.

⁷ Чернышевский Н.Г. Указ. соч.

в связи с внутренним состоянием церкви и гражданственности...»⁸, в которой автор затронул не только широкие социальные пласты народной жизни, но и существенные характеристики народного сознания. Так, отмечая исключительно высокий духовный накал противостояния старообрядцев, доходящий до акций коллективного самосожжения (которых до этого, по-видимому, не знала мировая история религиозных противоречий), он подчеркивал, что глубинные причины такой реакции на церковную реформу надо искать в том, что в XVII в. национальное сознание русского народа «имело характер исключительно религиозный»⁹: «Сам народ наш, – писал А.П. Шапов, – не давал другого отличительного свойства своей национальности, не знал другого национального различия, кроме веры православной»¹⁰. Протестуя против изменений древних форм духовной жизни, «русский народ восстал за свою народность, или, как тогда говорили русские люди, “за свое приращение”»¹¹. Близкой позиции придерживался, например, и специалист в области церковного права протоиерей И.М. Громогласов, который писал, что раскол стал реакцией части русского народа на стремление подчинить его стороннему авторитету ученых из греков и малороссов «в то время, когда – по мнению русских людей – религиозный быт их достаточно сложился и окреп для того, чтобы громко заявить свои права на самостоятельность»¹².

Такой подход к анализу проблемы позволяет лучше понять глубину внутреннего противоречия между двумя важнейшими нарративами российской истории, в которых получили отражение, с одной стороны, модернизационные усилия правящей элиты, а с другой – стремление народа в противовес этим усилиям отстаивать свою корневую идентичность, которая на момент церковного раскола была связана исключительно с православной верой в ее интерпретации, уходящей корнями в древние, дохристианские духовные традиции. На основе народного православия сформировался феномен, обозначаемый философами как «дух нации». В XVII в. этот еще только зарождавшийся в русском коллективном сознании феномен уже в полной мере обрел свою религиозную глубину, и старообрядцы, выступившие за сохранение отеческих традиций богослужения, по сути, отстаивали то, что И.А. Ильин назвал «русским православно-национальным самочувствием» (Ильин 2008: 389). При этом идея связи религиозного опыта с этническим самосознанием стала первым актом «актуализации русской философии как самобытного мышления» (Бобков 2017: 57).

⁸ Шапов А.П. Русский раскол старообрядства, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII веке и в первой половине XVIII. Опыт исторического исследования о причинах происхождения и распространения русского раскола // Шапов А.П. Сочинения А.П. Шапова : в 3 т. Санкт-Петербург : Изд. М.В. Пирожкова, 1906. Т. 1. С. 173-450.

⁹ Шапов А.П. Русский раскол... С. 231.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Громогласов И.М. О сущности и причинах русского раскола так называемого старообрядчества. Сергиев Посад : 2-я типография, 1895. С. 55.

Позднее различные аспекты многогранной темы русского раскола, фокусирующей в себе главные противоречия социально-экономического и политико-правового развития России, привлекали внимание целой плеяды ярких представителей научной и общественно-политической мысли XIX–XX вв. О русском расколе «писали и говорили И. Киреевский, В. Соловьев, В. Ключевский, А. Герцен, Г. Флоровский, Н. Лосский, Н. Бердяев, Г. Федотов, Д. Мережковский... и многие другие, вплоть до В. И. Ленина, указывавшего на противоположность двух культур в одной нации, конфликт между которыми “неизбежен”» (Матвеева 1997: 9). Такое понимание места и роли русского раскола как масштабного социокультурного явления, пронизывающего разные этапы отечественной истории, было, по сути, представлено уже в трудах выдающегося историка В.О. Ключевского, который в своих набросках к лекции «Древняя и новая России» писал, что из древней (допетровской) и новой России «вышли не два смежных периода нашей истории, а два враждебных склада и направления нашей жизни, разделившие силы русского общества и обратившие их на борьбу друг с другом, вместо того чтобы заставить их дружно бороться с трудностями своего положения» (Ключевский 1983: 363).

Русский раскол в историографии советского и постсоветского периодов

В СССР тема русского раскола как особого социокультурного явления ушла из научного дискурса, однако церковный раскол, порожденный реформами XVII в., по-прежнему составлял предмет исследований историков. В качестве примеров таких исследований можно привести следующие работы: Платонов С.Ф. «Памятники истории старообрядчества XVII в.» (Ленинград, 1927); Миловидов В.Ф. «Старообрядчество в прошлом и настоящем» (Москва, 1969); Шишкин А.А. «Сущность и критическая оценка обновленческого раскола Русской Православной Церкви» (Казань, 1970); Карцов В.Г. «Религиозный раскол как форма антифеодального протеста в истории России» (Калинин, 1971); Подмазов А.А. «Старообрядчество в Латвии» (Рига, 1970); Покровский Н.Н. «Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVII веке» (Новосибирск, 1974); Гурьянов Н.С. «Крестьянский антимонархический протест в старообрядческой эсхатологической литературе периода позднего феодализма» (Новосибирск, 1988); Никольский Н.М. «История русской церкви» (Москва, 1988) и др. В юридической (преимущественно учебной) литературе правовые аспекты церковного раскола затрагивались в работах таких ведущих специалистов в области истории российского государства и права, а также истории политических и правовых учений, как В.Г. Графский, И.А. Исаев, Н.М. Золотухина и др. В последние годы появляются специальные юридические исследования по данной теме, в которых освещаются политико-правовые взгляды идеологов старообрядчества в их столкновении с мировоззрением представителей светской и религиозной властей (Водопьянова 2017), дается анализ нормативной базы актов, регламентирующих правовой статус старообряд-

цев и сторонников иных вероучений, обозначаемых как ереси (Ермилов 2023), и т.д.

Особо следует отметить работы И.А. Исаева советского и постсоветского периодов (Исаев 1988; Исаев 1991), в которых проблематика раскола анализируется не столько в исторической, сколько в историософской плоскости. Ученый рассматривает русский раскол в контексте укоренившейся в сознании представителей государственной и церковной элиты XVII в. концепции «Москва – Третий Рим», лейтмотивом которой было единение светской и духовной власти. Проводя аналогии между русскими раскольниками и западными протестантами, автор пишет: «Раскол... внес в это единство рационалистическое и одновременно разлагающее начало: он подверг сомнению сакральный характер государственной власти. Отвергнув внешнее принуждение, использующееся для защиты духовной, внутренней веры, Раскол разорвал... казавшееся органическим единство» (Исаев 1991: 58), породив «жестокое столкновение идеи всеединства с индивидуалистическими устремлениями» (Исаев 1991: 60). Соглашаясь с В.С. Соловьевым в том, что порок раскольничьего сознания заключался в его индивидуализации, противостоящей вселенскому единству¹³, автор подчеркивает, что русское религиозное сознание начала XX в. «стремилось преодолеть “протестантский” индивидуализм новым коллективизмом, солидаризмом, тотальностью» (Исаев 1991: 61).

В период постсоциалистических трансформаций тема русского раскола вновь выходит в центр научных дискуссий в отечественном общественном сознании. Помимо появившегося к настоящему времени огромного числа статей и монографий, посвященных церковному расколу XVII в. в различных его аспектах (религиозных, историософских, исторических, юридических, экономико-хозяйственных, регионально-территориальных и т.д.) историография раскола пополняется работами, которые рассматривают этот феномен как социокультурное явление, существенно влияющее на самые разные сферы российской жизни (Кузьменков 2015). Такой поворот в анализе проблематики русского раскола во многом обусловлен тем, что перед научным сообществом и обществом в целом встала необходимость понять причины очередных неудач либеральных реформ в России (а постсоветские реформы с определенными оговорками вполне можно назвать ультралиберальными), которые свели на нет колоссальные усилия советской власти по преодолению прежнего социального раскола, стоившие народу, и прежде всего его образованному слою, огромных жертв. Не менее важно понять и то, почему так называемые реформы (а по сути, революционная ломка социального устройства и общественного сознания), перечеркнувшие

¹³ Иначе трактует позицию староверов известный богослов С.А. Зеньковский, считавший, что идея соборного единства, несомненно, жила в умах Аввакума и его сторонников: «Они осмысливали церковь как соединение всего духовенства и мирян под благословением Христа, смотрели на ее работу как на общее молитвенное стремление к правде и Богу. Они... надеялись провести в жизнь свой теократический идеал государства, руководимого церковью» (Зеньковский 2009: 182).

прежнюю социокультурную идентичность граждан и породившие новый, очевидный в своей несправедливости, социальный раскол, были, как и в начале XX в., активно поддержаны (и отчасти инициированы) многими представителями интеллектуального класса, который в итоге вновь существенно пострадал от этих преобразований.

В числе современных авторов, внесших заметный вклад в разработку теоретико-методологических основ осмысления русского раскола в свете поставленных вопросов (т.е. раскола как фундаментального социокультурного явления, пронизывающего своим воздействием почти всю историю страны), следует выделить отечественного философа и культуролога А.С. Ахиезера. С позиции своей версии социокультурного подхода он рассматривал русский раскол как устойчивое, воспроизводящееся на разных этапах жизни России противостояние между двумя ведущими социальными субкультурами, одна из которых ориентирована на модернизацию, требующую развития права как формы свободы индивида, а другая тяготеет к общинно-коллективистским традициям, своими корнями уходящим в архаику. Подобный конфликт между инновациями и традициями, присущий любому обществу, в России приобрел характер глубокого социокультурного раскола в силу отсутствия социальных механизмов медиации, способных синтезировать противоборствующие смыслы и сформировать срединную культуру, примиряющую крайности.

Раскол, как отмечал А.С. Ахиезер, ведет к подмене диалога самоубийственной для общества борьбой монологов, каждая из сторон которой считает, что борется с мировым злом. Подобный характер взаимодействия основных социальных групп обуславливает инверсионно-циклический характер развития страны с присущим ему чередованием реформ и контрреформ, с резкими поворотами в системе ценностей, с периодическими попытками «вернуться спиной к своему вчерашнему опыту, к своим царям и вождям, с тем чтобы то ли прорваться к будущему, то ли вернуться к позавчерашнему дню» (Ахиезер 1997а: 42). Всепроникающий характер такого раскола «означает, что само принятие значимых для общества решений также расколото, что они носят особый характер хромающих решений, которые в соответствии с противоположно направленными расколотыми частями общества отрицают друг друга», а длительное существование раскола свидетельствует о том, что общество «не столько пытается его преодолеть, сколько приспособливается к нему» (Ахиезер 1992b: 394). В своих работах А.С. Ахиезер проводит мысль о том, что общественное сознание россиян так и не смогло преодолеть манихейский¹⁴, т.е. основанный на жестком противопоставлении добра и зла (света и тьмы и т.д.), характер восприятия мира древними славянами.

Эта тема получила развитие в работах группы авторов (А.А. Пилипенко, И.Г. Яковенко и А.И. Музыкантского), которые идут дальше, обосновывая

¹⁴ Учение пророка Мани, наиболее распространенное в III в. на территории современного Ирана, представляло собой гностическую разновидность раннего христианства, соединенного с элементами зороастризма.

тезис о манихео-гностической сущности русского массового сознания как о цивилизационной специфике России. Они исходят из того, что в сознании русского человека манихейские представления об онтологической раздвоенности мироздания дополняются и усиливаются гностическим убеждением в богооставленности материального мира, созданного не божественной волей, а демиургом низшего порядка (Яковенко, Музыкантский 2010: 41–49). При этом авторы, хотя и отмечают архаическую природу манихео-гностического типа мировоззрения как фактора, способствующего расколу, однако не дают ему однозначно негативную оценку. Они признают эмоциональную насыщенность и идейную принципиальность манихейства, а также ориентацию на высокую духовность гнозиса как сакрального знания, стремящегося к преодолению тяготения грубой материи¹⁵, а в его современной версии – к отказу от идеологии общества потребления. Такой взгляд на специфику массового сознания россиян привлек внимание специалистов, вызвав в том числе и критические отклики. В порядке критики отмечается, в частности, субъективизм исследователей, их склонность опираться на неverified суждения и расплывчатые трактовки смысла манихейства и гностицизма. Однако даже авторы, которые критически анализируют рассматриваемую концепцию с позиций лингвистического анализа, оперирующего верифицируемыми данными, признают, что «понятие Зла в языке русской культуры покрывает значительно большую часть семантического пространства, чем понятие Добра, и этот факт говорит об известном пессимизме языка русской духовной культуры» (Морозов 2013: 155). Причем показательно, что особенно пессимистичным в этом смысле оказался язык элитарной культуры.

Рассматриваемая концепция частично подтверждается также и данными одного из наиболее серьезных социологических исследований последних лет, релевантных рассматриваемой нами проблематике, – мониторинга, направленного на выявление социокультурного портрета российской нации. Описывая результаты мониторинга в монографии, посвященной осмыслению культурного кода отечественной экономики в контексте сравнительного межстранового анализа, руководитель этого проекта А.А. Аузан отмечает, что самой главной спецификой российской нации является то, что россияне – это бесспорные «мировые лидеры по уровню избегания неопределенности, боязни новых ситуаций и изменений» (Аузан 2023: 128). Другой важный момент российской специфики, выделенный А.А. Аузаном по итогам мониторинга, – это то, что он называет недоговороспособностью россиян, корнем которой как раз и является диаметрально противоположность двух менталитетов (Аузан 2023: 128).

Будучи известным специалистом в области институциональной экономики (направления экономических исследований, включающего в свой

¹⁵ В данном контексте интересно отметить, что А. Гакстгаузен, предложивший собственную классификацию русских религиозных сект, выделил в ней группу, появившуюся до Никона и происходившую, по его мнению, от гностиков (Гакстгаузен А. Исследования внутренних отношений... С. 361).

анализ систему реально действующих в обществе социальных институтов), А.А. Аузан видит выход из сложившейся ситуации в развитии таких апробированных в мире институтов, как исламский кредит, целевые налоги, дифференцированная шкала налогообложения и т.п., которые в российской ситуации соответствуют социальному запросу на справедливость значительной части общества, тяготеющей к общинно-братской модели социального устройства. Подобные предложения несут в себе правовое начало справедливости, поскольку находятся в русле тех социальных интересов, которые в период постсоциалистических преобразований принимались в расчет лишь в той мере, в какой требовалось не допустить социального взрыва. Очевидно, что предлагаемые сторонниками институциональной экономики меры социальной инженерии могут внести позитивный вклад в формирование правовых компромиссов между социальными интересами и наращивания на этой основе экономико-правовых институтов срединной культуры с постепенным выходом на политико-правовую сферу. Однако проблема в том, что в нынешних условиях сильно спрессованного исторического времени, отпущенного России для широкомасштабного модернизационного прорыва, тактика «малых дел» может оказаться недостаточной. Тем не менее данный подход, ориентированный на социальное творчество, добавляет заметную долю оптимизма в социокультурный анализ А.С. Ахиезера, который делает акцент «на глубинных и устойчивых социально-ценностных структурах, задающих объективные границы для трансформации российского общества, выявляет социокультурные основания, позволяющие объяснить отклонения хода реформ от планов» (Кирдина-Чэндлер 2002: 27).

Более радикальный вариант решения проблемы преодоления русского раскола предложен в рамках отечественной философии права академиком В.С. Нерсесянцем. Речь идет о его концепции цивилизма (от *civis* – гражданин) как постсоциалистического общественного строя, который основан на индивидуальной (но не частной, т.к. она есть у всех граждан страны) собственности на средства производства (Нерсесянц 2001), принадлежащей каждому гражданину в форме прирожденного права на равную с другими долю доходов от введения в рыночный оборот объектов бывшей социалистической собственности. При создании своей концепции В.С. Нерсесянц опирался на разработанную им либертарно-юридическую теорию правопонимания с ее принципом формального равенства как триединства равной меры, свободы и справедливости, а также на гегелевскую диалектику, с позиций которой он трактовал концепт индивидуальной собственности на средства производства как диалектический синтез капиталистической идеи частной собственности и социалистической идеи отрицания частной собственности. Рассматривая каждого гражданина России в качестве правомерного наследника общенародного социалистического достояния, концепция цивилизма вводит в сферу действия правового принципа формального равенства идею братства, демонстрируя таким образом на теоретическом уровне потенциал для создания институтов срединной культуры, способных заполнить рвы социального раскола. И хотя В.С. Нерсесянц редко использовал в своих работах термин «раскол», весь смысл его концепции

цивилизма заключается в том, чтобы преодолеть наиболее существенный вековой раскол российского общества, при котором собственники и не-собственники неизбежно оказываются «во враждебном противостоянии, исповедуя разные ценности и идеологии» (Нерсисянц 1992: 326). Без признания права каждого на гражданскую собственность, писал он, этот раскол будет углубляться, потому что «никакая социальная инженерия не в состоянии справиться с последствиями неправомерной и несправедливой подмены всеобщей, бесплатной и равной индивидуализации социалистической собственности ее произвольной приватизацией в пользу лишь части общества» (Нерсисянц 1992: 326–327).

Заключение

Значение темы русского раскола для формирования новой историографии отечественной политико-правовой мысли обусловлено тем, что в смысловом пространстве данной проблематики соединяются две ключевые для России задачи, актуализированные современными процессами трансформации глобального миропорядка, – осуществление технологической модернизации как условие обеспечения государственного суверенитета (Лапаева 2024) и возрождение корневой национально-цивилизационной идентичности России как государства-цивилизации. В свете этих экзистенциально значимых задач нужна такая историография отечественной политико-правовой мысли, которая способствовала бы междисциплинарному освещению русского раскола как фактора, препятствующего модернизации, а также включала бы в себя работы, нацеленные на выработку цивилизационного проекта будущего, необходимого для формирования национально-цивилизационной идентичности страны. Целесообразность охвата при этом работ, посвященных цивилизационным проектам будущего России, обусловлена уже тем, что «будущее влияет на прошлое и настоящее, точнее говоря, тот или иной предполагаемый образ будущего ... играет существенную роль в процессе познания и преобразования практики, понимания и оценке прошлого и современности» (Нерсисянц 1992: 321–322). Особое значение следует уделить философско-правовым исследованиям, в которых идет поиск соединения идеи братства с присущей ей этикой коллективного спасения (которая в своей сакрально-религиозной интерпретации представлена концептами соборности и всеединства) и идеи права как формы и меры свободы индивида. Именно такой философско-правовой синтез этих важнейших для современной России идей предложен и обоснован в концепции цивилизма В.С. Нерсисянца.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Аузан А.А. 2023. Культурные коды экономики. Как ценности влияют на конкуренцию, демократию и благосостояние народа. Москва : АСТ. 147 с.
- Ахиезер А.С. 1997а. Раскол // Ахиезер А.С. Социокультурный словарь : [Основные термины, используемые в книге А.С. Ахиезера «Критика исторического опыта», 1997. 2-е изд.]. Новосибирск : Сибир. хронограф. С. 390–394.

Ахиезер А.С. 1997b. Россия: критика исторического опыта. (Социокультурная динамика России) : От прошлого к будущему. 2-е изд. Новосибирск : Сибир. хронограф. 804 с.

Бердяев Н.А. 2008. Русская идея. Санкт-Петербург : Азбука-классика. 318 с.

Бобков А.И. 2017. Русский раскол как философское противостояние соборности и квазирелигиозности // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. Т. 19. С. 57–62.

Водопьянова М.В. 2017. Политические и правовые взгляды идеологов Раскола в России XVII века : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Москва. 25 с.

Горбань В.С. 2024. Историографические исследования концептуализации национальной идеи в политико-правовых учениях // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). № 12. С. 68–76. DOI 10.17803/2311-5998.2024.124.12.068-076

Ермилов И.В. 2023. Развитие законодательства в отношении «раскола» в первой половине – середине XIX в. // Аграрное и земельное право. № 4. С. 21–23. DOI 10.47643/1815-1329_2023_4_21

Зеньковский С.А. 2009. Русское старообрядчество. В 2 т. Москва : Ин-т ДИ-ДИК ; Квадрига. 688 с.

Ильин И.А. 2008. Опасности и задания русского национализма (II) // Ильин И.А. Наши задачи. Статьи 1948–1954 гг. : в 2 т. Москва : Айрис-пресс. Т. 1. С. 388–393.

Исаев И.А. 1988. Рецидив теократической утопии: церковь и феодальная государственность в Расколе // Историко-правовые вопросы взаимоотношений государства и церкви в истории России : сб. науч. тр. / отв. ред. И.А. Исаев, О.А. Омельченко. Москва : Изд-во Всесоюз. юрид. заоч. ин-та. С. 110–119.

Исаев И.А. 1991. Политико-правовая утопия в России (конец XIX – начало XX в.). Москва : Наука. 272 с.

Кирдина-Чэндлер С.Г. 2002. Социокультурный и институциональный подходы как основа позитивной социологии в России // Социологические исследования. № 12. С. 23–32.

Ключевский В.О. 1983. Неопубликованные произведения. Москва : Наука. 416 с.

Кузьменков В.А. 2015. Социально-политические расколы в современной России: виды и пути их урегулирования // Ценности и смыслы. № 2. С. 36–45.

Лапаева В.В. 2024. Россия в новых геополитических реалиях: правовой вектор цивилизационного самоопределения // Государство и право. № 6. С. 33–43. DOI 10.31857/S1026945224060023

Маджаров А.С. 2017. Развитие концепции религиозного раскола Русской православной церкви и земства во второй половине XIX в. (С.М. Соловьев, А.П. Шапов) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. Т. 19. С. 40–49.

Маджаров А.С. 2019. Становление официальной доктрины религиозного раскола Русской православной церкви в трудах В. Н. Татищева // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. Т. 27. С. 67–76. DOI 10.26516/2073-3380.2019.27.67

Матвеева С.Я. 1997. Расколотое общество: путь и судьба России в социокультурной теории Александра Ахиезера // Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. (Социокультурная динамика России) : От прошлого к будущему. 2-е изд. Новосибирск : Сибир. хронограф. С. 3–41.

Морозов Н.М. 2013. Идея манихейской цивилизации в современной отечественной историографии // Вестник Томского государственного педагогического университета. № 2(130). С. 154–158.

Нерсисянц В.С. 1992. Наш путь к праву. От социализма к цивилизму. Москва : Рос. право. 345 с.

Нерсисянц В.С. 2001. Национальная идея России во всемирно-историческом прогрессе равенства, свободы и справедливости : Манифест о цивилизме. Москва : Норма. 59 с.

Пыжиков А.В. 2023. Грани русского раскола. Тайная роль старообрядчества от 17 века до 17 года. Москва : Концептуал. 528 с.

Снигирева С.Д. 2020. Историософские воззрения Ф.М. Достоевского и демократическая концепция раскола А.П. Шапова // *Litera*. № 5. С. 14–26. DOI 10.25136/2409-8698.2020.5.32888

Субботин Н.И. 2016. Раскол как орудие враждебных России партий: Политико-религиозная борьба в России XIX века (до середины 1860-х годов). Москва : ЛЕНАНД. 200 с.

Татищев В.Н. 1979. Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах // Татищев В.Н. Избранные произведения. Ленинград : Наука. С. 51–133.

Яковенко И.Г., Музыкантский А.И. 2010. Манихейство и гностицизм: культурные коды русской цивилизации. Москва : Рус. путь. 320 с.

Dennison T., Carus A. 2003. The invention of the Russian rural commune: Haxthausen and the evidence // *The Historical Journal*. Vol. 46, № 3. P. 562–564. DOI 10.1017/S0018246X03003145

References

Akhiezer A.S. *Rossiya: kritika istoricheskogo opyta. (Sotsiokul'turnaya dinamika Rossii) : Ot proshlogo k budushchemu* [Russia: Criticism of Historical Experience. (Socio-Cultural Dynamics of Russia) : From the Past to the Future], 2nd ed., Novosibirsk, Sibirskiy khronograf, 1997, 804 p. (in Russ.).

Akhiezer A.S. Schism, Akhiezer A.S. *Sotsiokul'turnyy slovar' : (Osnovnye terminy, ispol'zuemye v knige A.S. Akhiezer «Kritika istoricheskogo opyta», 1997. 2-e izd.)*, Novosibirsk, Sibirskiy khronograf, 1997, pp. 390–394. (in Russ.).

Auzan A.A. *Kul'turnye kody ekonomiki. Kak tsennosti vliyayut na konkurentsuyu, demokratiyu i blagosostoyanie naroda* [Cultural Codes of the Economy. How Values Affect Competition, Democracy, and the Well-Being of the People], Moscow, AST, 2023, 147 p. (in Russ.).

Berdyaev N.A. *The Russian Idea*, St. Petersburg, Azbuka-klassika, 2008, 318 p. (in Russ.).

Bobkov A.I. The Russian Church Schism as Philosophical Opposition of Sobornost and Quasi-Religiosity, *The Bulletin of Irkutsk State University. Series: Political Science and Religion Studies*, 2017, vol. 19, pp. 57–62. (in Russ.).

Dennison T., Carus A. The invention of the Russian rural commune: Haxthausen and the evidence, *The Historical Journal*, 2003, vol. 46, no. 3, pp. 562–564. <https://doi.org/10.1017/S0018246X03003145>

Ermilov I.V. Development of Legislation in Relation to the “Split” in the First Half – Middle of the XIX century, *Agrarnoe i zemel'noe pravo*, 2023, no. 4, pp. 21–23. https://doi.org/10.47643/1815-1329_2023_4_21 (in Russ.).

Gorban V.S. Historiographical Studies on the Conceptualization of the National Idea in Political and Legal Thought, *Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2024, no. 12, pp. 68–76. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2024.124.12.068-076> (in Russ.).

Ilyn I.A. *Opasnosti i zadaniya russkogo natsionalizma (II)* [The Dangers and Tasks of Russian Nationalism (II)], *Il'in I.A. Nashi zadachi. Stat'i 1948–1954 gg. : v 2 t.*, Moscow, Ayris-press, 2008, vol. 1, pp. 388–393. (in Russ.).

Isaev I.A. *Politiko-pravovaya utopiya v Rossii (konets XIX – nachalo XX v.)* [Political and Legal Utopia in Russia (late 19th – early 20th century)], Moscow, Nauka, 1991, 272 p. (in Russ.).

Isaev I.A. *Retsidiv teokraticheskoy utopii: tserkov' i feodal'naya gosudarstvennost' v Raskole* [A Relapse Into Theocratic Utopia: The Church and Feudal Statehood in Schism], Isaev I.A., Omel'chenko O.A. (Resp. ed.), *Istoriko-pravovye voprosy vzaimootnosheniy gosudarstva i tserkvi v istorii Rossii : sb. nauch. tr.*, Moscow, Izdatel'stvo Vsesoyuznogo yuridicheskogo zaochnogo instituta, 1988, pp. 110–119. (in Russ.).

Kirdina-Chendler S.G. *Sotsiokul'turnyy i institutsional'nyy podkhody kak osnova pozitivnoy sotsiologii v Rossii* [Sociocultural and Institutional Approaches as the Basis of Positive Sociology in Russia], *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2002, no. 12, pp. 23–32. (in Russ.).

Klyuchevskiy V.O. *Neopublikovannye proizvedeniya* [Unpublished Works], Moscow, Nauka, 1983, 416 p. (in Russ.).

Kuzmenkov V.A. Socio-Political Cleavages in Modern Russia: Views and Ways of Solving Them, *Tsennosti i smysly*, 2015, no. 2, pp. 36–45. (in Russ.).

Lapaeva V.V. Russia in the New Geopolitical Realities: The Legal Vector of Civilizational Self-Determination, *State and Law*, 2024, no. 6, pp. 33–43. <https://doi.org/10.31857/S1026945224060023> (in Russ.).

Madzharov A.S. Development of Official Doctrine of the Religious Schism in the Russian Orthodox Church in the Works by V.N. Tatishchev, *The Bulletin of Irkutsk State University. Series: Political Science and Religion Studies*, 2019, vol. 27, pp. 67–76. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2019.27.67> (in Russ.).

Madzharov A.S. Development of the Concept of the Russian Orthodox Church Splitting and the Zemstvo in the late XIX (S.M. Solovyov, A.P. Shchapov), *The Bulletin of Irkutsk State University. Series: Political Science and Religion Studies*, 2017, vol. 19, pp. 40–49. (in Russ.).

Matveeva S.Ya. *Raskolotoe obshchestvo: put' i sud'ba Rossii v sotsiokul'turnoy teorii Aleksandra Akhiezer* [A Divided Society: the Path and Fate of Russia in Alexander Akhiezer's Socio-Cultural Theory], Akhiezer A.S. *Rossiya: kritika istoricheskogo opyta. (Sotsiokul'turnaya dinamika Rossii) : Ot proshlogo k budushchemu*, 2nd ed., Novosibirsk, Sibirskiy khronograf, 1997, pp. 3–41. (in Russ.).

Morozov N.M. Manichean Idea of Modern Civilization in the National Historiography, *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2013, no. 2(130), pp. 154–158. (in Russ.).

Nersesyants V.S. *Nash put' k pravu. Ot sotsializma k tsivilizmu* [Our Path to the Right. From Socialism to Islam], Moscow, Rossiyskoe parvo, 1992, 345 p. (in Russ.).

Nersesyants V.S. *Natsional'naya ideya Rossii vo vsemirno-istoricheskom progresse ravenstva, svobody i spravedlivosti : Manifest o tsivilizme* [The National Idea of Russia in the World-Historical Progress of Equality, Freedom and Justice : A Manifesto on Civilizationism], Moscow, Norma, 2001, 59 p. (in Russ.).

Pyzhikov A.V. *Grani russkogo raskola. Taynaya rol' staroobryadchestva ot 17 veka do 17 goda* [The Facets of the Russian Schism. The Secret Role of the Old Believers from the 17th century to the 17th year], Moscow, Kontseptual, 2023, 528 p. (in Russ.).

Snigireva S.D. Historiosophical Views of F.M. Dostoevsky and Democratic Concept of Schism of A.P. Shchapov, *Litera*, 2020, no. 5, pp. 14–26. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2020.5.32888> (in Russ.).

Subbotin N.I. *Raskol kak orudie vrazhdebnykh Rossii partiy: Politiko-religioznaya bor'ba v Rossii XIX veka (do serediny 1860-kh godov)* [The Split as an Instrument of Parties Hostile to Russia: The Political and Religious Struggle in 19th – century Russia (until the mid-1860s)], Moscow, LENAND, 2016, 200 p. (in Russ.).

Tatishchev V.N. *Razgovor dvukh priyateleyo pol'ze nauki i uchilishchakh* [A Conversation Between Two Friends about the Benefits of Science and Colleges], *Tatishchev V.N. Izbrannye proizvedeniya*, Leningrad, Nauka, 1979, pp. 51–133. (in Russ.).

Vodopyanova M.V. *Politicheskie i pravovye vzglyady ideologov Raskola v Rossii XVII veka : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk : 12.00.01* [Political and Legal Views of the Ideologists of the Schism in Russia of the 17th century: Abstr. of diss.], Moscow, 2017, 25 p. (in Russ.).

Yakovenko I.G., Muzykantsky A.I. *Manikheystvo i gnostitsizm: kul'turnye kody russkoy tsivilizatsii* [Manichaeism and Gnosticism: Cultural Codes of Russian Civilization], Moscow, Russkiy put', 2010, 320 p. (in Russ.).

Zenkovskiy S.A. *Russkoe staroobryadchestvo. V 2 t.* [Russian Old Believers. In 2 vols.], Moscow, Institut DI-DIK, Kvadriga, 2009, 688 p. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Валентина Викторовна Лапаева

доктор юридических наук, главный научный сотрудник Сектора философии права, истории и теории государства и права Института государства и права РАН;
г. Москва, Россия;
ORCID: 0000-0001-7170-8610;
ResearcherID: MCI-95542025;
SPIN-код: 1389-8478;
E-mail: lapaeva07@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Valentina V. Lapaeva

Doctor of Law, Chief Researcher, Sector of Philosophy of Law, History and Theory of State and Law, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences;
Moscow, Russia;
ORCID: 0000-0001-7170-8610;
ResearcherID: MCI-95542025;
SPIN-код: 1389-8478;
E-mail: lapaeva07@mail.ru